

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

МАСИЕЛЬ САНЧЕС Лев Карлосович

**КАМЕННЫЕ ХРАМЫ СИБИРИ XVIII ВЕКА:
ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 17.00.04 —

изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат диссертации на соискание учёной степени

кандидата искусствоведения

Москва, 2004

Работа выполнена в отделе Свода памятников архитектуры и
монументального искусства России Государственного института
искусствознания Министерства культуры РФ

Научный руководитель:

кандидат искусствоведения Плужников В. И.

Официальные оппоненты:

доктор искусствоведения Евсина Н. А.

кандидат искусствоведения Аронова А. А.

Ведущая организация:

Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
Министерства культуры РФ

Защита состоится «20» мая 2004 г. в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 210.004.02
в Государственном институте искусствознания
(Москва, 103009, Козицкий пер., 5)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Государственного института искусствознания

Автореферат разослан «11» апреля 2004 г.

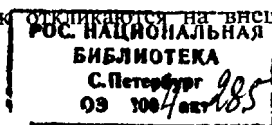
Учёный секретарь диссертационного совета
доктор искусствоведения

Григорович Н. Е.

Общая характеристика исследования

Восемнадцатый век заслуженно считается началом Нового времени русского искусства. При этом часто упускается из виду, что на большей части огромной страны продолжало жить полнокровной жизнью позднесредневековое искусство, одной из ярких страниц которого было каменное храмостроение. В отличие от столичной и усадебной архитектуры, где воцарился новоевропейской метод строительства по проектному чертежу, вся остальная страна сохраняла верность позднесредневековой традиции. Сочетание воли заказчика, определявшего образец, и навыков местных артелей с их приверженностью к собственному стилистическому почерку приводило к созданию каждый раз новых, и нередко замечательных по своим художественным качествам произведений. Здания храмов всегда по разному сочетали традиционные формы (допетровские, нарышкинские) с элементами столичных стилей (барокко, классицизм). Постепенно во многих частях страны, особенно на северо-востоке (Русский Север, Вятка, Урал), формируются региональные архитектурные традиции, без изучения которых невозможно создание целостной картины русской архитектуры XVIII в. Тем более **актуально** изучение храмов Сибири этого времени, отличающихся особым многообразием форм. Благодаря относительной немногочисленности памятников и их огромному территориальному разбросу, Сибирь позволяет с наибольшей точностью проследить, как складываются местные стилистические предпочтения на основе отбора определённых форм из общерусской архитектуры, как формируются региональные архитектурные школы с их излюбленными образцами и характерным декором, как они взаимодействуют друг с другом и как отскакивают на внешние

влияния. Эта проблематика и составляет **предмет** данного исследования.

Объект изучения — каменные храмы, построенные на территории Сибири в XVIII в., от возведённого в 1700 г. первого храма в нарышкинском стиле и до построек 1830-х гг., когда исчезают последние черты местной традиции. Географические рамки диссертации определяются проникновением русского оседлого населения: за её пределы выводятся памятники, сооружавшиеся в крепостях оборонительных линий и заводских поселениях по проектам столичных зодчих или инженеров. Таким образом, из территорий азиатской России (к востоку от Уральских гор) не рассматриваются Дальний Восток, Алтай, а также большая часть восточного Урала.

История изучения сибирских храмов XVIII в. началась ещё в начале XX в. К 1920-м гг. в историографии сформировалось понятие «тобольское» (Б. П. Денике), а затем «сибирское барокко» (Д. Л. Болдырев-Казарин), которое было отнесено, с теми или иными оговорками, ко всему храмостроению XVIII в. По мнению Д. А. Болдырева-Казарина, первоначально родственная зодчеству Русского Севера, сибирская архитектура сформировалась под украинским, позже местными («остяцким, татарским и бухарским» в Западной, «буддийским» в Восточной Сибири) влияниями. Именно черты «чисто азиатской экзотики» являются для Д. А. Болдырева-Казарина решающим основанием «на выделение особого сибирского барокко».

Это стилистическое определение переходит и во вторую половину столетия, когда появляются достаточно многочисленные исследования, посвященные архитектуре отдельных сибирских городов **или регионов.** (работы Б. И. Оглы об Иркутске,

Б. В. Гнедовского и Э. Д. Добровольской о Енисейске, С. П. Заварихина и В. В. Кириллова о Тобольске и Тюмени, и др.). Прослеживается тенденция относить к особенностям «сибирского» (изредка «тобольского») барокко любые необычные черты местных храмов, избегая при этом чёткого определения этого явления как целого. Исключение составляют статьи Т. С. Проскуряковой, понимающей под «сибирским барокко» сочетание «общерусских традиций <...> и местных художественных вкусов», среди которых вновь наиболее значимы «восточно-азиатские мотивы», особенно проявившиеся в восточносибирском «субрегиональном типе» (Иркутск), который выделяется наряду с западносибирским (Тобольск, Тюмень). Т. С. Проскурякова причисляет к «сибирскому барокко» храмы между 1710-ми - 1750-ми и 1790-ми - 1820-ми годами, а его расцвет относит к 1740-м — 1760-м.

Исследователь зодчества северо-восточной России А. Ю. Каптиков ставит «сибирское барокко» в ряд с устюжской, вятской и уральской региональными архитектурными школами, отмечая свойственную только Сибири «барочную переусложнённость форм». Появление черт барокко в Сибири он датирует 1700-ми гг., а к середине XVIII в. относит формирование «сибирского барокко» как соединения черт древнерусского и украинского, а также восточного зодчества. Он выделяет две школы: тобольскую, испытавшую в 1760-е годы сильное влияние «елизаветинской» архитектуры, и иркутскую, где наряду с элементами, аналогичными устюжским и тотемским, многое «навеяно буддийской архитектурой».

Принципиально иную позицию занимает С.Н.Баландин, автор специального учебного пособия по каменным храмам Сибири XVIII в. (1994 г.). Он отвергает «сибирское барокко», предлагая

определить стиль сибирских храмов «как "ретроспективный декоративизм", соотнося его с архитектурой XVII в., а не с русским барокко столиц и ближайшей к ним провинции». С. Н. Баландин полагает, что региональные особенности Западной и Восточной Сибири «не выходят за стилевой предел общности всего культового зодчества Сибири XVIII в.». Идея «сибирского барокко» подвергается критике и в статье Е. И. Кириченко (1994 г.), относящей сибирскую и другие русские региональные школы XVII в. к поствизантийской, а не европейской архитектуре.

Неопределённость, а часто и противоречивость интерпретаций сибирского храмостроения XVIII в. обуславливается тем, что анализируются, или памятники только одного региона, или «ключевые» (по сути дела, наиболее известные) объекты из разных. Единственная же работа, где материал достаточно представителен (пособие С. Н. Баландина), лишена, к сожалению, подробных обобщений и выводов. Поэтому предлагаемая диссертация ставит своей **целью** создание последовательной картины развития сибирского зодчества на протяжении XVIII в. с привлечением максимального числа храмов. Только на основе их детального анализа и сравнения делаются выводы о стилистической сущности, границах и периодизации сибирских региональных школ и зодчества всей Сибири в целом.

В связи с поставленной целью в диссертации решаются конкретные **задачи**:

- выявление максимально полного количества храмов Сибири XVIII в., как существующих, так и не дошедших до наших дней, и уточнение их датировок

- установление типологической и стилистической общности между храмами и группами храмов в отдельных регионах Сибири
- выявление причин подобной общности
- определение круга памятников (в Сибири, в европейской России и на Украине), формы которых служили образцами как для отдельных храмов, так и для их групп.

В диссертации анализируется около 120 сибирских храмов, что составляет более 80% процентов от построенных в городах и несколько меньший процент от сельских. Более трёх четвертей дошедших до нашего времени памятников лично обследована автором. В основе их рассмотрения лежат **методы** стилистического (для определения почерка артели), иконографического (выявление образцов, на которые ориентировались заказчики и строители) и типологического анализа.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые точно прослежены развитие, распространение и трансформация архитектурных форм в обширном регионе на протяжении целого столетия.

Предложены новые интерпретации форм ключевых памятников сибирского зодчества (городского и монастырского соборов Тюмени, Одигитриевского в Верхнеудинске, Богоявленской и Воскресенской церквей в Тобольске, Крестовской в Иркутске, Покровской в Туринске) и прослежено их влияние на последующее храмостроение.

Выделены общие черты храмов Тары, Тюмени и Забайкалья, не позволяющие говорить о собственных школах, но отражающие местные стилистические предпочтения.

Уточнены датировки многих памятников (собор в Ишиме, ряд храмов Туринска, Преображенская церковь в Енисейске и др.), некоторые впервые введены в научный оборот (Усениново, Конда, Баян).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В 1700-е-1730-е гг. большая часть храмов строится в рамках столичной нарышкинской стилистики и не имеет каких-либо особенностей, позволяющих выделить их из общерусской архитектуры. Небольшая группа памятников этого времени принадлежит архитектуре **Левобережной Украины** конца XVII — начала XVIII вв., соответствуя её типологии и стилю.
2. Во второй трети XVIII в. в Сибири сформировались две местные школы — **тобольская** и **иркутская**. Произведения первой возникли на пересечении нарышкинской и украинской традиций. Храмостроители иркутской школы исходят из устюжского варианта нарышкинского стиля с привнесением отдельных украинских и местных деталей. В центральной Сибири собственная традиция так и не сформировалась, и преобладал нарышкинский стиль в **уральском** варианте.
3. В Тобольске под воздействием стилистики барокко в его столичном варианте с середины 1760-х гг. сложилось особое **тобольское барокко**, распространившееся в западных и центральных регионах Сибири. Оно проникло и в Восточную Сибирь, где с сер. 1770-х гг. под его влиянием на основе тотемских (а не местных) традиций сформировалось **иркутское барокко**. Несмотря на то, что с 1780-х гг. в Сибири распространяется классицизм, барочные храмы продолжают строиться вплоть до 1830-х гг.

Материал диссертации может найти **практическое применение** в преподавательской деятельности (при чтении общего курса истории русской архитектуры или специальных курсов), а также при написании общей истории русского искусства. Исторические факты, связанные с отдельными памятниками, и искусствоведческая оценка рассматриваемых сооружений может оказаться полезной в процессе составления Свода памятников архитектуры и монументального искусства России, тем более что подавляющее большинство сибирских храмов не имеет учётной документации. В процессе создания диссертации были собраны ценные сведения (в том числе фотоматериалы) о современном состоянии памятников, многие из которых стремительно разрушаются.

Диссертация была апробирована в Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ: все её главы были обсуждены на заседаниях Отдела Свода памятников архитектуры и монументального искусства России, высказанные замечания учтены в последующей работе над текстом. Отдельные положения диссертации были изложены в докладах в НИИ теории и истории изобразительного искусства, Московском государственном университете (Москва) и Российском обществе интеллектуальной истории (Санкт-Петербург), в лекционных курсах в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте и НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, а также в ряде публикаций, в том числе в интернете.

Основное содержание исследования

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии. В приложениях даны списки существующих и утраченных сибирских храмов, а также сибирских архиереев.

В **первой главе** рассматриваются храмы, возведенные в Сибири в первые полтора десятилетия XVIII в. — до петровского указа 1714 г. о запрете каменного строительства.

Первыми были построены соборы в Верхотурье и Тюмени. Троицкий собор в Верхотурье (1703-1704) в строгом смысле принадлежит уральской архитектуре, но он сыграл исключительно важную роль в развитии сибирской. Строили собор в основном соликамцы, но ведущей была московская артель. Верхотурский собор является постройкой типа восьмерик на четверике — первой подобного рода на северо-востоке России — с расположением трапезной и колокольни на одной оси с храмом. Особенностью храма является пятиглавие по сторонам света, устроенное, как считается, по образцу строгановской церкви в Нижнем Новгороде (1697-1703); в диссертации выдвигается гипотеза о возможном влиянии также и московского храма Успения на Покровке (1696-1699). Этот храм был образцом и для другого сибирского собора — Благовещенского в Тюмени (1700-1708; не сохранился), близкого верхотурскому и композицией, и декором, и, в частности, такой уникальной деталью, как изразцовые «сияния» вокруг восьмиугольных окон. То, что образцом была именно церковь Успения на Покровке, подтверждается повторением целого ряда ее форм в Тюмени: тем же объёмным построением, опоясывающим храм гულიщем, той же «крутой» кровлей, близкой формой

наличников, постановкой глав по углам четверика и парапетами с балясинами между ними, наконец, уникальными «слившимися» наличниками четырех окон.

Верхотурский собор почти сразу стал образцом для ряда храмов, первым из которых был Успенский собор Далматова монастыря (1707-1711, 1713-1716), воспроизводивший верхотурское пятиглавие. Другим был Богоявленский собор в Иркутске (1718-1731), первоначально имевший пятиглавие, и, по-видимому, также по сторонам света. Формы декора обоих храмов нарышкинские, следующие верхотурским; в Далматове есть и допетровские, связанные с зодчеством Соликамска элементы. От предыдущих заметно отличается Богоявленский собор в Енисейске (1709-1712; сохранился частично): он был одноглавым и имел нешатровую колокольню; представляется, что форма его завершения подражала украинским «баням» Троицкого собора в Тюмени (1708-1715): если предположить, что тюменский храм был закончен ок. 1710 г.

В Сибири возводились также бесстолпные традиционные храмы, увенчанные пятиглавием — иркутская Спасская церковь (1706-1713), в декоре которой отразилась работа столичных мастеров, а также соборы Нерчинска (1712-1720; не сохранился) и его пригородного монастыря (1712). Нарышкинские формы встречаются здесь наряду с допетровскими, их разнообразие не позволяет точно определить принадлежность храмов тем или иным работавшим в Сибири артелям.

В особую группу в диссертации выделены храмы, не просто связанные, как это обычно указывалось, но полностью принадлежащие украинской архитектуре. Они были построены по заказу выдающегося сибирского митрополита Филофея Лещинского (1702-1711, 1715-1720), происходившего с Украины. Главным из

них является собор тюменского Троицкого монастыря (1708-1715), четырёхстолпный (единственный столпный храм Сибири XVIII в.), с пятью главами — тремя большими по оси восток-запад и двумя маленькими к северу и югу от главной. Детальный анализ композиции позволяет точно определить место этого храма в типологии украинской архитектуры — в рамках так называемого «маргинального» типа шестистолпных украинских соборов (по В. В. Вечерскому), куда относятся соборы Св. Духа в Ромнах (1689 или 1742-1746) и Флоровского монастыря в Киеве (1722-1732). Правда, он отличается от них пятиглавием, решение которого уникально и для русской, и для украинской архитектуры, и объясняется, очевидно, неизвестными пока деталями заказа. Причиной выбора собора украинского, а не русского типа было, как представляется, желание митрополита возвести в Тюмени подобие Киево-Печерской лавры: подтверждением этого служит уникальное посвящение одного из приделов собора Печерской иконе Успения Богоматери.

Следование образцу объясняется и постройка в типологии украинской архитектуры двух других храмов монастыря — одноглавого трапезного (церковь Зосимы и Савватия, 1717) и надвратного крестообразного (Петропавловская церковь, 1726-1727, 1737-1741). Декор этих построек доказывает участие в их сооружении мастеров с Украины. В письменных источниках говорится о работе в монастыре тобольской артели, что, конечно, не отрицает возможности участия и других мастеров. Украинцы участвовали, вероятно, и в постройке приходской Спасской церкви в Тобольске (1709—1713); в диссертации определена её принадлежность не к русскому, но к редкому украинскому типу храма — восьмериком на растянутом в ширину четверике с тремя

развитыми апсидами (аналогия — Воскресенская церковь Густынского монастыря, 1695). Бытующая в литературе интерпретация некоторых наличников Спасской церкви как восточных или как «предвосхищающих» барокко отвергается.

В первой главе делается вывод о том, что храмы начала XVIII в. разделяются две группы — русскую и украинскую. Русские памятники, построенные по государственной инициативе, принадлежат столичной нарышкинской стилистике, однако в деталях (особенно допетровских) проявляется участие Соликамских, а позже и местных мастеров. Украинские храмы, связанные с митрополичьим заказом, строились местными и украинскими мастерами.

Вторая, третья и четвёртая главы диссертации охватывают оставшийся период каменного зодчества Сибири XVIII в. — от его возобновления в 1730-е гг. и до окончательного водворения классицизма. Материал в этих главах систематизирован по территориальному принципу: во **вторую главу** вошли храмы Западной Сибири (в бассейнах Туры, Тобола и Иртыша), в третью — центральных сибирских регионов (по Томи и Енисею), наконец, в четвёртую — Восточная Сибирь (вокруг Байкала, по Ангаре и Селенге).

Первым храмом, возведённым в Западной, Сибири после перерыва, становится Троицкий собор Кондинского монастыря на Оби (1731—1758, сохранился частично) — храм типа восьмерик на четверике с шатровой колокольной, построенный мастерами из артели Далматова монастыря. Украинские формы кровель этого

собора можно объяснить ориентацией на собор монастыря в Тюмени.

Тобольское храмостроение 1740-х — нач. 1750-х гг. выделяется в диссертации как время кристаллизации особого типа храма кораблём, перекрытого высоким сводом. Первым шагом на пути его возникновения была перестройка Богоявленской церкви (1690-1691, 1737—1744, не сохранилась), осуществленная подмастерьем Корнилием Переволокой, выходцем из Малороссии. Строитель попытался уместить храм типа тобольской Спасской церкви па относительно нешироком нижнем этаже конца XVII в. В результате, обновлённый, храм, отличавшийся живописностью и дробностью форм, приобрел менее украинский облик; его декор также соединил в себе украинские и русские элементы. Некоторая дробность композиции и декора этого храма были преодолены в Михаило-Архангельской церкви (1745—1749), образ которой отличается цельностью и завершенностью. Её зодчий отказался от восьмерика и сложной украинской кровли, перекрыв храм высоким восьмилотковым сводом с небольшим световым восьмериком-фонарём в завершении; переход от четверика к кровле осуществлён через полуглавие. Вместо трёх апсид сделана одна, пятигранная. Колокольня поставлена по оси храма и также перекрыта высоким сводом — вместо традиционного шатра. Источником этих новшеств в диссертации предлагается считать архитектуру Великого Устюга и Вятки. Декоративная система Михаило-Архангельской церкви, наиболее узнаваемой чертой которой стало соединение линейных элементов по горизонтали и вертикали, соединила в себе отдельные украинские, нарышкинские и древнерусские формы. Её основа уже имелась в Богоявленской церкви, здесь же все элементы были упорядочены и приведены в соответствие друг другу.

Несколько по иному решена тобольская Андреевская церковь (1744—1755), одноэтажная, но также перекрытая высокой кровлей с полуглавиями. Её детали отличаются хорошей прорисовкой и тонкой профилировкой, некоторые из форм барочные и не находят аналогов в архитектуре северо-восточной России и Сибири. Представляется, что в ее строительстве могли участвовать столичные мастера.

Продолжали возводиться в Тобольске и храмы типа восьмерик на четверике — Благовещенский (1735—1758, не сохранился) и Рождества Богородицы (1751-1762). В их архитектуре больше украинских деталей; скорее всего, оба они были возведены Корнилием Переволокой. Наиболее консервативными — в них украинские черты решительно преобладают — являются постройки митрополичьей артели, ориентирующиеся на композицию тобольской Спасской церкви: зимний собор Антония и Феодосия Печерских (1743-1746) и Троицкая церковь в Абалаке (1720-е, 1748—1750, сохранилась частично).

В сер. 1750-х — сер. 1760-х гг. тип тобольского храма кораблём начинает копироваться не только в Тобольске, но и в других городах Западной Сибири. Одна из самых больших и ярких тобольских церквей, Крестовоздвиженская (1753-1771), строилась по подобию Михаило-Архангельской, но заканчивалась уже в стилистике барокко, о чём говорит некоторое несоответствие её завершения формам основной части. Строительство тобольской Сретенской церкви (1754—1775) затянулось ещё дольше, так что в ней детали барокко играют значительную роль, а некоторые отражают уже влияние классицизма. Наиболее удачным произведением на тему Михаило-Архангельской церкви представляется Спасская церковь в Таре (1753-1776): строители этого храма творчески развили формы образца, создав

устремлённый ввысь и одновременно монументальный образ. Более тяжеловесным, с некоторыми архаичными деталями был ещё один храм того же типа — Крестовоздвиженский собор в Туринске (1751-1767, не сохранился).

Как поворотный пункт в развитии тобольской традиции в диссертации рассматривается середина 1760-х гг., когда заканчивается строительство ключевого произведения *тобольского барокко* — Воскресенской, или Захарьевской, церкви (1759-1776, сохранилась частично). Этот храм принадлежит разработанному тобольской школой типу, однако его формы полностью/трансформированы в духе столичного барокко. Храм получил пятиглавие, с установкой диагональных глав на люкарнах картушевидной формы. Объёмы и внутреннее пространство приобрели особую цельность и слитность, все детали получили сложный барочный прорисовку и абрис. В решении колокольни (не сохранилась, её почти точной копией является колокольня, пристроенная в 1779-1784 гг. к Крестовоздвиженской церкви) имело место даже некое подобие ордера и изгибов плоскостей стены — черты, ни до, ни после практически не известные архитектуре Сибири. Сочетание тонко проработанных деталей с неукоснительным следованием традициям тобольской школы в композиции объёмов и фасадов позволяет выдвинуть гипотезу о принадлежности этого храма местному мастеру, прошедшему столичную выучку.

Формы Воскресенской церкви (особенно венчание) стали предметом подражания во всей Сибири. В самом Тобольске они отразились на архитектуре Крестовоздвиженской (см. выше), а также Казанской трапезной церкви Знаменского монастыря (1766-1767, сохранилась частично). Великолепным продолжением темы

Воскресенской церкви была Покровская церковь в Туринске (1769 - после 1774, не сохранилась): в этом одноэтажном храме барочные формы получили дальнейшую вертикализацию и усложнение, в частности, вместо пяти- храм получил девятиглавие; думается, что её мог строить тот же мастер, что и Воскресенскую. Благодаря архивным изысканиям удалось установить, что уменьшенной копией предыдущей была церковь в селе Усеншове близ Туринска (1774-1779, не сохранились). По образцу туринской Покровской церкви были построены одноэтажные пятиглавые храмы в сёлах Карачельском (1825) и Белоярском (1823-1833) на реке Миасс в Зауралье, отличающиеся очень высоким уровнем исполнения, а также девятиглавый храм кораблём в Нижней Синячихе (1794-1823). Примерами более примитивных подражаний формам туринского шедевра являются церкви Алапаевского (1793—1841) и Сусанского (1797-1821) заводов.

Анализ форм позволяет причислить к ярким произведениям тобольского барокко и Преображенский собор в Шадринске (1771-1777). Этот храм имеет близкие Воскресенской церкви формы, но они подвергаются здесь смелой интерпретации — изгибу, растяжению и т. д., достигая большой выразительности. Архитектура шадриинского собора не нашла дальнейших подражаний.

Своеобразную интерпретацию формы тобольского барокко получили в Тюмени. Венчания Знаменской (1768-1801) и Спасской (освящена в 1796 г.) церквей — представляется, что их основное строительство пришлось на кон. 1760-х - нач. 1770-х гг. — решены в духе туринской Покровской церкви, но в первом случае от диагональных глав остались одни рудименты, а во втором, напротив, строителям пришлось отказаться от глав по сторонам света. Декор Знаменского храма навеян формами тюменского Троицкого собора

— все формы крупные, наличники с трёхлопастными очельями. Спасская церковь использует только барочные наличники; очелья некоторых из них приобретают почти что пятиугольную форму, которая встречается также в Таре и Томске.

Подражания Воскресенской церкви появляются и в весьма удалённых от Тобольска регионах — в центральной Сибири (см. третью главу) и даже на Вятке, где в городе Шестакове возводится Благовещенская церковь (1777-1780, не сохранилась). В ней полностью воспроизводится иконография образца, но детали трактованы специфически. Неизвестны ни причины появления этой реплики, ни её строители; очевидно, что они были не из Сибири, но, судя по формам, и не с Вятки. Вместе с перемещением русского населения на юг, барочные храмы появляются в начале XIX в. и в лесостепной зоне. Уже говорилось о храмах на реке Миасс; другими примерами являются два поздние храма в среднем течении реки Ишим. Если Покровская церковь в Петропавловске (1813-1821) дает пример грубоватого подражания формам тобольской Воскресенской церкви, то церковь в селе Бердюжем (1822-1843, не сохранилась) — самое позднее произведение тобольского барокко — была значительно более удачной.

С подражаниями архитектуры тобольской Воскресенской и туринской Покровской церковей соседствуют скромные храмы, использующие только отдельные барочные формы (в основном, наличники). В Тобольске образцами этого направления служат Петропавловский (1768—1780) и скромный кладбищенский (Семи отроков эфесских, 1774-1776) храмы. Напротив, церковь пригородного села Преображенского (1761-1784) весьма удачна. В Туринске примерами были Вознесенская монастырская (1775-1785, не сохранилась), отличавшаяся выразительным декором полуглавий,

и Спасская (1786-1798, сохранилась частично) церкви, в Тюмени — Вознесенская (или Георгиевская, 1771-1789) и Воскресенская (ныне Крестовоздвиженская, 1774-1792), а также Троицкая церковь в селе Усть-Ница (1767-1779), с характерными для тюменской традиции трёхлопастными наличниками. Сдержанностью отличается архитектура и двух монументальных соборов — пятиглавого (единственного в рамках данной стилистики) Сретенского в Ялуторовске (1767-1777, не сохранился) и Богоявленского в Ишиме (1775-1793), стройного и одновременно монументального, с тонко и верно прорисованными деталями.

Особое место в архитектуре тобольского барокко занимают постройки Тары — города, меньше связанного с ядром Западной Сибири, сформировавшимся вокруг городов на Тоболе, Туре и вдоль Московского тракта (Тобольск, Тюмень, Туринск, Курган, Ялуторовск, Ишим), и, наоборот, теснее контактировавшего с центральной Сибирью, особенно с Енисейском. Строители многочисленных тарских храмов последней трети XVIII в. — ни один из них не сохранился! — брали, за образец не только тобольскую Воскресенскую (Успенский собор, 1774-1792) и туринскую Покровскую (Параскевиевский храм, 1791-1825) церкви, но вдохновлялись и более ранними образцами — Михайло-Лрхангельским (церкви Тихвинская, 1784-1789, и, вероятно, Казанская, 1772-1777) и Крестовоздвиженским (Никольская, 1771—1774) храмами в Тобольске, первой в Таре каменной Спасской церковью (та же Никольская) и даже шатровыми колокольнями Енисейска (соборная колокольня); в некоторых формах отразились и веяния классицизма (декор четверика собора). В диссертации выявляется некоторое единство художественного образное, которым при всём различии форм отличались храмы города. Уже начиная с

первой каменной Спасской церкви (1753-1776) проявляется стремление соединить устремлённость ввысь с монументальностью, тяготеющей к тяжеловесности. Для этого при общей вертикализации пропорций использовались чёткие горизонтальные членения (Спасская и Никольская церкви, Успенский собор). Конечно, эти стилистические предпочтения не дают повода говорить о тарской региональной школе.

Итогом второй главы диссертации становится вывод о преемственности развития западносибирской архитектуры как на этапе создания одноглавого храма «кораблём» с высоким сводом на основе бытовавших в Тобольске украинских и нарышкинских элементов, так и при распространении в регионе столичных барочных форм. *Тобольское барокко*, охватившее в 1770-е—1830-е гг. всю западную и центральную Сибирь, предстаёт, таким образом, последним этапом развития региональной *тобольской школы*.

Третья глава посвящена рассмотрению архитектуры двух регионов — Томского и Енисейского, — занимающих промежуточное положение между Западной и Восточной Сибирью.

Во второй трети века каменное строительство региона было сосредоточено почти исключительно в Енисейске. Датировка и характеристика архитектуры храмов этого города затруднена их перестройками и ремонтами после разрушительных пожаров 1732, 1778 и 1869 гг.

Первым каменным храмом Енисейска после Богоявленского собора (см. выше) стал собор Спасо-Преображенского монастыря (1735-1745). Он построен восьмериком на четверике, имеет нарышкинский декор; судя по всему, его строили мастера из артели

Далматовского монастыря. Уральской архитектуре близка и Воскресенская церковь (1735-1747, сохранилась частично), также восьмериком на четверике, в декоре которой можно выделить два почерка. Первый характеризуется сочетанием допетровских (в их Соликамском наборе) и нарышкинских деталей, находя параллели в архитектуре колокольни Богоявленского собора. Второй имеет только нарышкинские формы, не относящиеся, однако, к далматовскому декору; в Енисейске они известны также на южном приделе собора (1738-1740).

Откликом зодчества Енисейска на выработанный тобольской школой тип церкви с высокой кровлей был одноэтажный Рождественский собор одноимённого монастыря (1755-1758, не сохранился), построенный под руководством далматовского подмастерья Иакинфа Денисова Стахиева. Четверик этого храма, завершённый полуглавиями с окнами-квадрифолиями, был перекрыт крутым восьмилотковым сводом; уникальной особенностью были крошечные главки на крещатых бочках, установленные на углах четверика. Мотив бочки мог быть почерпнут из репертуара архитектуры Далматова монастыря, а их расстановка могла следовать Благовещенскому собору в Тюмени (см. выше). В целом, появление подобной композиции не находит убедительного объяснения. Интересно, что несмотря на появление храма нового типа, нарышкинский декор и тип храма восьмериком на четверике не исчез, но был воспроизведён в таком архаичном памятнике, как Воскресенский собор в Красноярске (1759-1773, не сохранился).

Центральным произведением архитектуры Енисейска 1770-х гг. является Троицкая церковь (1772-1776, сохранилась частично). За образец был взят енисейский Рождественский собор, от которого она отличается лишь постановкой боковых глав на барабаны; декор

же церкви, и сейчас поражающий необыкновенным богатством, соединяет местные приёмы с иркутскими при преобладании последних, что заставляет предполагать творческий вклад мастеров из Иркутска- Очень близки Троицкой церкви ещё два храма, которые также можно приписать гипотетической иркутско-енисейской артели — собор Одигитриевской иконы Божией Матери в Кузнецке (1775—1780, не сохранился) и Покровскую церковь в Красноярске (1785—1795), позднюю, но очень точную копию Троицкой. В то время, когда она строилась, в Енисейске уже господствовало тобольское барокко.

Его формы буквально поглотили енисейской зодчество при восстановлении храмов после пожара 1778 г. Городской Богоявленский собор получил пятиглавие, новые главы собора и шпиль колокольни были установлены на характерных для тобольской архитектуры барабанчиках с волютами по граням. Восьмерик Воскресенской церкви был окружён фронтонами-картушами с ложными окнами. В Преображенской церкви (1747-1759, не сохранилась) был отстроен верхний этаж (1778-1787), причем венчание настолько точно воспроизводило формы тобольской Воскресенской церкви, что закрадывается подозрение об участии тех же мастеров. Декор храма сочетал барочные и нарышкинские (в иркутско-енисейском варианте 1770-х гг.) формы. Таким же был и декор надвратной церкви Захарии и Елизаветы в Спасском монастыре (1785-1796, не сохранилась), построенной по тому же образцу.

Очень близка Преображенской и Успенская церковь (1793—1818), отличающаяся плоскостным и строгим, но тонко и смело прорисованным декором. Представляется, что влияние классицизма проявлялось в архитектуре Сибири или косвенно, когда

излюбленные барочные формы получили плоскостную трактовку, тонкую прорисовку и упорядоченный отбор — и в этом случае часто возникали достаточно яркие произведения, как вышеупомянутая церковь или собор в Ишиме,- — или напрямую, когда непосредственно заимствованные формы сочетались с барочными. На этом пути не было художественных удач, хотя некоторым произведениям, например, Абалакской церкви в Енисейске (1799—1819), нельзя отказать в выразительности.

Каменные храмы в Томске начали строиться очень поздно (с сер. 1770-х гг.), при том что ещё в 1700-е гг. сюда были направлены (но, видимо, не добрались) мастера каменных дел. Сразу было заложено несколько храмов, и строительство почти всех затянулось до 1800-х гг., так что в 1805 г. было даже заведено дело «О медленности строения томских градских церквей». Все они отражают веяния классицизма и маловыразительны по своим формам. Одни завершались высоким сводом с полуглавиями, по образцу енисейской Троицкой церкви (Казанский монастырский собор, 1776-1789, Духовская церковь, 1787-1803, не сохранилась), другие были построены восьмериком на четверике, в чём можно видеть отклик на купольные композиции классицизма (Богоявленский собор, 1777-1817, не сохранившиеся Благовещенская, 1783-1807, и Знаменская, 1789-1810, церкви, а также Спасская в одноимённом пригородном селе, 1799). Общей для храмов Томска была, пожалуй, только одна черта — использование барочного наличника с пятиугольным завершением. Единственным ярким произведением можно считать томскую Воскресенскую церковь (1789-1807), точно воспроизводящую формы одноимённой тобольской.

Из третьей главы следует, что в центральной Сибири так и не сформировалось своей региональной школы, несмотря на наличие такого мощного центра каменного строительства, как Енисейск. В целом архитектура развивалась здесь в русле нарышкинского стиля в его уральском варианте, а затем подпала под влияние тобольского барокко. Замечательные памятники возникли благодаря проникновению иркутских форм, хотя оно и было кратковременным эпизодом (1770-е гг.)-

В четвёртой главе рассматривается архитектура Восточной Сибири начиная с 1740-х гг.

Первой каменной постройкой этого региона после перерыва, связанного с петровским запретом каменного строительства, стала знаменитая Крестовская (в диссертации обосновывается большая правильность этого названия по сравнению с укоренившимся в послевоенной литературе «Крестовоздвиженская») церковь в Иркутске (1747-1760). Этот храм — бесспорный шедевр архитектуры Сибири и одновременно самое её знаменитое произведение. Его богатейший декор, отличающийся необычностью форм, заставил многих исследователей говорить о восточных формах как чуть ли не об основе «сибирского барокко». Восток искали и в объёмных формах церкви: например, в очертаниях её куполов улавливали сходство с буддийскими ступами. В результате подробного анализа всех форм в диссертации делается вывод, что практически все элементы объёмного построения и декора храма восходят к великоустюжским образцам. Композиция с двумя восьмериковыми приделами, например, восходит к собору устюжского Иоанно-Предтеченского монастыря (1740, не сохранился), убывающие малые восьмирики в завершении — к

Сретенско-Преображенской церкви (1725-1739), композиция фасадов — к ней же и ещё нескольким храмам 1710-х - 1730-х гг., в частности, Сергиевской церкви в Дымковской слободе (1739-1747). При этом элементы скомпонованы здесь умело и свободно, что свидетельствует о нахождении внутри традиции, а не о следовании какому-либо образцу. Предполагается, что создателем церкви был мастер из Великого Устюга, в чём нет ничего удивительного, если учитывать, что торговля Восточной Сибири едва ли не полностью контролировалась устюжанами. К местным особенностям храма можно отнести пучинистые главы, явно восходящие к украинским тобольским (а вовсе не восточным) образцам, а также отдельные варианты трактовки декора, в которых (и только в которых!) действительно чувствуется рука местных (наверное, бурятских) мастеров; может быть, именно им обязана церковь своим фантастическим кирпичным кружевом. Впрочем, очень близкий декор имела церковь села Хмельёвка на Вятке (1776, не сохранилась), датировка и формы которой известны только по публикации начала XX в. и требуют особого исследования.

Декор Крестовской церкви был повторен в архитектуре придела Чудотворской церкви (1741-1754, не сохранилась), построенного, очевидно, теми же мастерами; основной же объём храма принадлежит новому, главному направлению зодчества *иркутской школы*. Его характеризует некоторое упрощение декоративных форм Крестовской церкви, за счёт чего достигается их лучшая читаемость при сохранении рельефности и разнообразия. Объёмно-пространственные композиции храмов иркутской школы также продолжают традиции Крестовской церкви, комбинируя на разный лад объёмы с малым и большим восьмериком. Колокольни у всех иркутских храмов строились по принципу восьмерик на

четверке, причём и четвериков, и восьмериков могло быть до трёх (в верхнем четверике обычно устраивался придел, иногда с апсидой над трапезной).

Двухэтажная Чудотворская церковь (1741-1767) завершалась малым восьмериком, а её двухэтажный придел — большим. Основной объём двухэтажной Тихвинской церкви (1754—1766, не сохранилась) строился восьмериком на четверике, но с дополнительным малым восьмериком над большим, двухэтажный придел также венчался малым восьмериком. Одноэтажный собор Вознесенского монастыря (1749-1767, не сохранился) имел уникальную композицию — восьмериком от земли с малым восьмериком в завершении, колокольня же примыкала к храму непосредственно, без трапезной. Не менее - редкую композицию имеет Троицкая церковь (1754-1778) — два восьмерика на двух четвериках. Особняком стоит собор Знаменского монастыря (1757-1762); его отличает не композиция (малый восьмерик), а декор. Имея ряд форм, сходных с характерными для иркутской школы, он использует и более обычные нарышкинские формы (завитковые наличники и др.), что роднит его с некоторыми уральскими храмами, но значительно больше — с Сергиевской церковью в устюжской Дымковской слободе (1739-1747). Этот храм воспроизводит формы декора устюжской Мироносицкой церкви (1714-1722) и стоит в этом отношении особняком среди храмов школы Устюга этого времени. Сходство в наборе и трактовке деталей настолько велико, что позволяет предположить непосредственной участие мастеров дымковского храма в работах на берегу Ангары.

Иную архитектуру имеет первый собор относившегося к Иркутской епархии Забайкалья — Одигитриевский в Верхнеудинске

(1741-1785). Этот двухэтажный храм построен кораблём и завершается высоким сводом с переходом через полуглавия с окнами-квадрифолиями. Всё это выводит его за рамки иркутской школы, а рельефные, крупные декоративные нарышкинские формы (завитковые наличники «медвежьих ушки», восьмиугольное окно) отсылают к произведениям далматовских мастеров. Наличие рудиментарных диагональных главок на бочках не оставляет сомнений в том, что образцом верхнеудинского мог быть только Рождественский собор в Енисейске; скорее всего, Одигитриевский храм строила та же артель Иакинфа Денисова Стахиева. Она могла быть приглашена из Енисейска ввиду отсутствия собственных мастеров в ближайшем к Верхнеудинску городе Иркутске, что подтверждается также и высказанной в диссертации гипотезой о приезде на Ангару мастеров из Великого Устюга.

Следующий каменный храм Забайкалья — собор Посольского монастыря (1771-1778, сохранился частично) — следовал композиции верхнеудинского, за исключением рудиментарного пятиглавия. При той же композиции фасадов, собор использует совсем иной декор — набор форм иркутской школы, связанных со вторым периодом её развития в 1770-е гг., который характеризовался взаимодействием с енисейским зодчеством. Как ближайшие аналогии Посольского собора в диссертации предлагаются Троицкий енисейский и Одигитриевский кузнецкий храмы (см. выше), но, в первую очередь, Владимирская церковь в Иркутске (1775-1780, сохранилась частично). Последняя была первым пятиглавым храмом в Иркутске после долгого перерыва, однако судить о её венчании трудно, поскольку к концу XIX в. оно было переделано.

Барокко и классицизм появляются в Иркутске одновременно, около 1775 г. Первым барочным храмом была Михаило-Архангельская (Харлампиевская) церковь (1777-1790, сохранилась частично). Этот одноглавый храм с малым восьмериком в завершении полностью принадлежит стилистике тотемского барокко; нет сомнений в том, что его первый этаж (освящён в 1782 г.) был построен мастерами из Тотьмы, в то время как второй возводили, скорее всего, местные мастера, довольно точно воспроизводя формы первого. (В частности, они превратили знаменитый тотемский картуш в характерный для всей последующий восточносибирской архитектуры наличник нечетких очертаний с «горкой» в завершении, который некоторые исследователи относят к числу бурятских мотивов.) В диссертации обосновывается тезис о том, что характеризующееся строгими плоскостными формами восходящего к Тотье декора *иркутское барокко* было компромиссом между консервативными вкусами заказчиков храмов и требованиями проводившегося властями в области гражданского строительства классицизма. Недаром анонимный автор «Описания Иркутского наместничества» 1792 г. сообщает о первом барочном храме Иркутска следующим образом: «Строение по сибирскому краю довольно великолепное, [церковь] каменна, нова, ныеишняго манира».

Формы иркутского барокко воспроизводились в 1780-е — 1790-е гг. по всей Восточной Сибири практически без изменений, за исключением венчаний, в которых появились люкарны и пятиглавие — подражания тобольской Воскресенской церкви. Церковь в селе Урик близ Иркутска (1775-1796) — кораблём, одноглавая, с полуглавиями — очень близка Харлампиевской церкви. В одноглавом нижеудинском Воскресенском соборе (1780-1785, не

сохранился) полуглавия уже были заменены люкарнами. Лучшим произведением иркутского барокко стал пятиглавый «корабль» Спасского собора в Селенгинске (ныне Староселенгинск, 1783-1789), отличающийся высоким качеством исполнения деталей. Очень близок ему был одноимённый собор в Балаганске (1787-1807, не сохранился), тоже пятиглавый, но имевший полуглавия вместо люкарн. Одноглавый собор Троицкого Селенгинского монастыря (1785—1800, сохранился частично), некогда перекрытый кровлей с изломом, представляет, напротив, один из самых примитивных вариантов иркутского барокко. Своеобразные формы имела Спасская церковь в Верхнеудинске (1786-1800), венчание которой сочетало черты тобольского (люкарны) и местного (столбики-главки по углам четверика, как в Одигитриевском соборе) образцов. Скромный одноглавый храм в селе Турунтаеве (1791-1818) отличается неплохими пропорциями и прорисовкой деталей; он был в основном окончен, как представляется, уже к 1800 г. и стал последним чисто барочным храмом Восточной Сибири.

В иркутских Благовещенском (1785-1804, не сохранился) и Преображенском (1795-1811) храмах уже проявляются черты классицизма. Черты обоих стилей сосуществовали в Восточной, как и в Западной Сибири, очень долго, но дали мало ярких в художественном отношении произведений. В последней части четвёртой главы подробно рассматривается процесс постепенного вытеснения барочных деталей классицистическими на примере двух десятков храмов, возведённых в Иркутской епархии в 1790-х -1830-х гг. На пути соединения тех и других возник интересный образ Троицкого храма в Верхнеудинске (1798—1809), в то время как одной из немногих удач «консервативного» направления (стойко

сохранявшего исключительно барочные черты) необходимо признать Сретенский храм селе Батурина (1813-1836)

Четвёртая глава свидетельствует, что в Восточной Сибири, в отличие от Западной, дважды происходила не только смена стилистических ориентиров, но и типов храмов. На смену столичным нарышкинским формам начала столетия в 1740-е гг. пришли устюжские, на основе которых сформировалась яркая и очень своеобразная иркутская школа. Появление барочных (тотемских, также тобольских) форм снова привело к полному отказу от достижений местной традиции с начала 1780-х гг. Спротивление сформировавшегося здесь *иркутского барокко* проникновению классицистических форм оказалось не менее упорным, чем в Западной Сибири (оно длилось также до 1830-х гг.), однако ничего равного по художественному уровню храмам на Миассе здесь не появилось.

В заключении диссертации, сибирское храмостроение ставится в контекст архитектуры соседних региональных школ северо-востока России.

В первой трети XVIII в. наиболее динамично развивается Великий Устюг, где в 1720-е гг. распространяются уже формы позднепетровского зодчества, а медленнее всего — Вятка, где преобладают допетровский декор. Сходство Устюга, Вятки и Урала в том, что развитие архитектуры идёт здесь в тесной связи с зодчеством конца XVII в. В Сибири же начавшееся было формирование местной школы прерывается в 1700-е гг. проникновением столичных форм: она получает самые передовые столичные образцы, авторитет которых делает обращение к местной

традиции непопулярным. Одна из этих столичных построек оказывает влияние и на уральскую школу, однако сильная местная традиция выживает.

Во второй трети XVIII в. стилистическое развитие школ Тобольска и Иркутска, приверженных ярким образцам украинской и нарышкинской (в столичном и устюжском вариантах) архитектуры, несколько запаздывает по сравнению с другими региональными школами Северо-востока, в основном усвоившими позднепетровские формы и начавшими обращаться к барочным (Великий Устюг). Показательно в этом смысле упорное следование зодчих енисейского региона даже не нарышкинским, но допетровским формам вплоть до 1760-х гг. (шатровые колокольни). Запаздывание, конечно, вовсе не означает художественного несовершенства храмов Сибири, чья традиция была в это время полна творческой энергии: тобольской и особенно иркутской школе на основе устаревшего, казалось бы, языка нарышкинских форм удалось создать ярчайшие произведения, одно из которых (Крестовская церковь) заслуженно признаётся шедевром русской архитектуры.

Последняя треть XVIII в. ознаменована последним расцветом региональных школ, а затем их упадком и гибелью под влиянием классицизма. Более консервативные вятская и иркутская (до 1770-х гг.) школы остаются в целом в рамках нарышкинской стилистики, но испытывают влияние устюжской (Вятка, кон. 1760-х - 1780-е гг.) и тобольской (Иркутск) традиций. Тобольская школа с 1770-х гг. усваивает формы столичного барокко (кон. 1760-х - 1780-е гг.), распространяя свое влияние на всю Сибирь. На Урале на фоне широкого распространения произведений столичного барокко и классицизма происходит обращение к местным нарышкинским

традициям, причём заимствуются и некоторые тобольские формы (т. н. «походяшинские» храмы, 1750-е—1790-е гг.). Тотемское (1770-е - нач. 1790-х) и иркутское (1780-е-1790-е) барокко становятся последними яркими явлениями живой местной традиции, выразивший в их причудливых, но уже плоскостных и экономных формах свою реакцию на наступление эпохи классицизма. .

Постановка сибирского храмостроения в контекст архитектуры северо-восточной России делает очевидной неадекватность термина «сибирское барокко» реальности. В то время, когда сибирская архитектура имела некоторое единство, она ничем не выделялась из общерусской, и к тому же отражала нарышкинскую стилистику. Позже региональные школы Тобольска и Иркутска развивались совершенно разными путями, причём стилистика барокко оставалась не востребованной вплоть до 1760-х гг.

По теме диссертации опубликованы либо находятся в печати следующие работы:

1. Купеческое барокко Сибири. // Экономика и право в зеркале культуры (Россия и Запад). Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6-8 мая 2002 г.). СПб., 2003. С.93-110.
2. К вопросу об «украинизмах» архитектуры тюменского Троицкого монастыря // Искусство христианского мира. Вып. VII. М., 2003. С. 234-242.
3. Каменные храмы Бурятии втор. пол. XVIII - пер. пол. XIX вв. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства (0,9 печ.л.)
4. Три храма XVIII - начала XIX в. в Читинской области. // Архив наследия, 2003. (0,4 печ. л.)
5. Архитектура и ландшафты России. Красная книга. Предостережение. М., Искусство — XXI век, 2003:
Троицкий Селенгинский монастырь. С. 194; Енисейск. Богоявленский собор. С. 224; Калинино. Успенская церковь. С. 225; Покровский погост. Покровская церковь. С. 230; Тобольск. Крестовоздвиженская церковь. С. 250; Тобольск. Захарии и Елизаветы церковь. С. 254-255; Енисейск. Троицкая церковь. С. 278-279; Карачельское. Трёхсвятительская церковь. С. 340.
6. К вопросу об образцах тобольской Софии и тюменского Троицкого монастыря. // www.archi.ru/conference/seminar/sem_bat/maciel.htm (0,4 печ. л.) (0,4 печ. л.)

Отпечатано в ООО «Реглант»
Тираж 200 экз. Заказ № 300.
115230, Москва, Электролитный проезд, 3Б.
Тел.: 317-70-09, 317-68-63

#-7124

1-1124